

Селиверстова Наталья Матвеевна

ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX ВЕКА

Статья посвящена анализу изменений правового статуса российского дворянства как в период, предшествовавший реформам 60-70-х гг. XIX века, так и в ходе преобразований. Автор рассматривает то, как происходило законодательное оформление основных прав и привилегий высшего сословия в дореформенную эпоху, какие из них были сохранены и какие отменены самодержавием в период отмены крепостного права и последующих реформ. Все это позволяет понять, какое место в сословной структуре российского общества занимало дворянство в переломный период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 166-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979. 550 с.
2. Зеленский В. В. Толковый словарь аналитической психологии. М., 2008. 335 с.
3. Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 212 с.
4. Снорри Стурлусон. Круг Земной / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 687 с.
5. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы / пер. с нем. Т. А. Ребеко. М.: Академический Проект, 2009. 303 с.

**POTESTAS ARCHETYPES OF ROMAN AND GERMANIC MYTHOLOGY:
FORMATION OF CULTURAL-HISTORICAL PRECONDITIONS
FOR POWER REPRESENTATION IN EARLY MEDIEVAL SOCIETY**

Sannikov Sergei Viktorovich, Ph. D. in History
Siberian Institute of International Relations and Regional Studies
Sannikov_SV@yahoo.com

On the basis of the written monuments analysis of the late antiquity epoch and early Middle Ages, containing the description of rulers' mythological figures, the author singles out potestas-mythological images conditionally characterized as guide, wise man, righteous man, defender, hero, and victim. These figures are compared with collective unconscious archetypes revealed by C. G. Jung, such as Animus, Father, Identity, Shadow and so on. The conducted analysis allows stating the determinative significance of these archetypes for the formation of the power image of the considered period.

Key words and phrases: mythology; archetype; power image; culture of early Middle Ages.

УДК 94(47).081

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу изменений правового статуса российского дворянства как в период, предшествовавший реформам 60-70-х гг. XIX века, так и в ходе преобразований. Автор рассматривает то, как происходило законодательное оформление основных прав и привилегий высшего сословия в дореформенную эпоху, какие из них были сохранены и какие отменены самодержавием в период отмены крепостного права и последующих реформ. Все это позволяет понять, какое место в сословной структуре российского общества занимало дворянство в переломный период.

Ключевые слова и фразы: дворянство; сословие; законодательство; потомственное дворянство; личное дворянство; поместное дворянство; дворянские корпоративные организации; отмена крепостного права; реформы 60-70-х гг. XIX века; самодержавие.

Селиверстова Наталья Матвеевна, к.и.н., доцент

Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева
nseliverstova@mail.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА
НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX ВЕКА[©]**

Судьба высшего сословия Российской империи претерпела кардинальные изменения в результате преобразований 60-70-х годов XIX века, и характер этих перемен во многом был тесно связан с изменением правового статуса высшего сословия в ходе реформ. Дворянство сохраняло за собой название благородного, привилегированного сословия, но его позиции, в том числе зафиксированный в законодательстве статус, претерпели существенные изменения. Поскольку само понятие сословия предполагает законодательное оформление прав и обязанностей определенной социальной группы, изменение юридического статуса этой группы означает трансформацию одной из её наиболее существенных характеристик. И тем большим интерес представляет тот момент в истории, когда происходит достаточно быстрое изменение правовых норм, характеризующих рамки основных, в том числе привилегированных сословий общества.

Одним из первых вопросов об изменении юридического статуса высшего сословия в ходе реформ 60-70-х годов XIX века поставил С. А. Корф в своей работе, посвященной истории дворянства в 1762-1855 годах [6]. В то же время хронологические рамки его исследования сами по себе не предполагали детального анализа этих изменений.

В ставшей классической монографии А. П. Корелина о дворянстве в пореформенной России содержится достаточно подробный разбор тех изменений, которые претерпело правовое положение высшего сословия. В то же время автор значительно большее внимание уделял изучению социально-экономического статуса дворянства в пореформенную эпоху. Он подчеркивал, что и после всех реформ дворянство сохраняло ведущую

роль в политической и экономической жизни страны, командные позиции в государственном аппарате и влиятельное положение при дворе [5, с. 131].

Серьезный детальный анализ правового положения дворянства в XVIII – начале XX века был сделан в недавнем обширном исследовании сословного общества Российской империи. Его авторы отмечали, что только изучение общей эволюции сословного строя в России позволит в полной мере уяснить положение и место дворянства в обществе [4, с. 223].

Интересный и оригинальный взгляд на судьбу высшего сословия России в пореформенный период демонстрирует в своей работе известный американский историк С. Беккер. Важным следствием реформ 60-70-х годов XIX века автор называет лишение дворянства «большей части его правовых привилегий, как гражданских (включая личные и имущественные), так и политических» [1, с. 39]. При этом С. Беккер категорически не соглашается с тезисом об «упадке дворянства» и утверждает, что в пореформенную эпоху представители высшего сословия сумели вполне успешно адаптироваться к новой реальности, ознаменовавшейся переходом от сословной к классовой модели общества. В то же время самодержавие стремилось сохранить сословный принцип социальной организации, основанной на наследственном принципе, и тем самым именно на нем лежит главная ответственность за последующий революционный взрыв 1917 года [Там же, с. 317].

Юридический статус российского дворянства, каким он сложился к середине XIX века, был итогом многовековой истории высшего сословия, важнейшей вехой которой стало законодательство Петра I, и прежде всего «Табель о рангах». Большинство исследователей отмечало определяющую роль самодержавия в процессе формирования дворянского сословия, что особенно характерно для имперского периода российской истории.

Служилый характер российского дворянства, зависимость от высшей власти стали его важными особенностями, в отличие от западноевропейского нобилитета. Автор известного труда по истории дворянства в России, А. В. Романович-Славатинский писал об этом так: «У нас аристократические элементы сложены были в привилегированную общественную группу государственной властью, которая давала ей ту или другую организацию, повышала и принижала её, сообразно потребностям государства, применительно к интересам правительства» [12, с. 1].

Смысловая и содержательная основа юридического статуса высшего сословия Российской империи была заложена «Жалованной грамотой дворянству» Екатерины II. Ее статьи определили ключевое место дворянства в сословной системе, законодательно оформили его роль в качестве опоры российского самодержавия и одновременно наделили высшее сословие значительными правами и исключительными привилегиями.

Особенным значением наделялось потомственное дворянство: «Не токмо Империи и Престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось...; и для того исстари, ныне, да и пребудет на веки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, кои оным пользуются...» [3, с. 5]. Многочисленные привилегии высшего сословия предоставлялись ему как награда за прежнюю службу и труды на благо Империи и Престола и как залог того, что всякий дворянин будет обязан по первому призыву самодержавной власти «не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной» [Там же, с. 6].

К числу важных привилегий высшего сословия относились: освобождение от телесных наказаний (Ст. 15) и личных податей (Ст. 36) [8, с. 347, 349].

Дворянству предоставлялись весьма значительные имущественные права, включая недвижимость в городах, земли, деревни (населенные земли), фабрики и заводы в деревнях, права на недра земель, находящихся в собственности. Им разрешалось организовывать ярмарки в своих имениях, а также оптом продавать продукцию, полученную в своем хозяйстве.

Этим же документом утверждались основы корпоративной организации благородного российского сословия, включавшие органы его самоуправления. Об этом шла речь в специальной главе, озаглавленной «О собрании дворян, установлении общества дворянского в губернии, и о выгодах дворянского общества». Кроме того, отдельные главы были посвящены содержанию и правилам ведения родословных дворянских книг, а также порядку подтверждения благородства – принадлежности к потомственному дворянству.

«Жалованная грамота дворянству» во многом предопределила то направление, по которому шло дальнейшее развитие законодательства в отношении высшего сословия, обусловила структуру и содержание последующих законодательных актов.

«Жалованная грамота дворянству» приобрела черты сакрального текста для нескольких поколений дворян и во многом определила особенности и способ мировоззрения высшего сословия на многие десятилетия вперед. И последующий вынужденный отказ от ряда статей документа в ходе реформ 60-70-х годов многими представителями сословия рассматривался как подлинный подрыв устоев, как историческая катастрофа с непредсказуемыми последствиями. Эта точка зрения отразилась во «мнении», поданном рядом депутатов Петербургской губернии в марте 1860 года.

Значение «Жалованной грамоты» этот документ определяет так: «Честно и хвалебно замыкается Грамотою девяти вековое существование дворянства. Заявив почтительное его достоинство, родословное его преимущество, благодатную его доступность, грамота облекла благородное это состояние в связь сословную, с точностью определила его отношения к народу и Высшему Правительству, и сказала ему: через политическую твою власть ведай народ, предводительствуй, начальствуй; а при сословном твоём устройстве совещайся, содействуй общему правлению, воздвигай людей к тому способных» [13, д. 166, л. 11 об. – 12]. Но в лице либеральной бюрократии, готовящей предстоящие реформы в стране и, как уже стало понятно к 1860 году, не считавшей мнение благородного сословия приоритетным при определении стратегии и тактики преобразований, авторы мнения видят реальную угрозу для дворянства в целом и тем основам его статуса, которые

были зафиксированы в «Жалованной грамоте». С точки зрения авторов документа, выразивших позицию значительной части дворянства, все ведомства государственного управления должны были «неукоснительно» руководствоваться в своей деятельности «смыслом и силой жалованной дворянству Грамоты», «не допускать себе, даже в предположениях, колебать неотъемлемую принадлежность дворянства» [Там же, л. 14].

В 1832 году был издан Свод законов Российской империи, в IX томе которого содержался комплекс законов о состояниях, юридически окончательно оформивший существовавший сословный строй. В части, касающейся имущественных прав высшего сословия, содержалась статья, подтверждающая право потомственного дворянства на приобретение всех видов движимого и недвижимого имущества, не исключая и крепостных людей с землей и без земли [16, ст. 208]. В разделе Свода законов о людях крепостного состояния (Т. IX, раздел IV, глава седьмая) содержались статьи о взаимных правах и обязанностях помещиков и принадлежащих им крепостных крестьян. Так, крестьяне должны были спокойно пребывать в их звании, быть послушными помещику в... оброках, работах и всякого рода крестьянских повинностях [Там же, ст. 1027]. В обязанности владельцев крепостных входило попечение о продовольствии и благосостоянии крестьян, особенно в неурожайные годы, об исполнении ими государственных повинностей [Там же, ст. 1102]. Помещик должен был разбирать взаимные споры и иски крепостных крестьян между собой [Там же, ст. 1050], судить их за целый ряд преступлений [Там же, ст. 1052]. Эти статьи закона характеризовали так называемое вотчинное (манориальное) право помещиков. Тот факт, что одна из важнейших привилегий дворянства получила развернутое законодательное оформление лишь в Своде законов 1832 года, заставляет некоторых исследователей говорить о том, что окончательно дворянское сословие сложилось не в XVIII, а в первой трети XIX века [4, с. 123].

Все последующие Своды законов в части, касающейся дворянства, в основных чертах повторяли содержание Свода законов 1832 года, за исключением статей, касающихся порядка пополнения высшего сословия. Законодатель предусматривал три варианта получения дворянства: 1) путем пожалования; 2) чинами в службе; 3) пожалованием Российского ордена. Полученное дворянское достоинство могло быть как потомственным, так и личным, пожизненным, не передаваемым по наследству. По сравнению с потомственным личное дворянство было серьезно ограничено в правах. Так, личные дворяне не вносились в родословные книги, они не имели права владеть крепостными крестьянами и могли передать свои права состояния только в браке, от мужа к жене. Степень их участия в деятельности корпоративных дворянских организаций была незначительна.

В зависимости от способа приобретения потомственного дворянства выделялось шесть разрядов: 1) дворянство жалованное или действительное; 2) дворянство военное; 3) дворянство, полученное путем выслуги определенного чина на гражданской службе или в результате награждения российским орденом; 4) иностранные дворянские роды; 5) титулованное дворянство; 6) древние, благородные роды [16, ст. 17].

«Табель о рангах» Петра I определяла курс правительства на расширение высшего сословия за счет включения в его состав наиболее достойных представителей иных социальных слоев, добивавшихся успехов на государственной службе. Помимо пожалований в дворянство со стороны высшей власти все те, кто достигал на военной службе первого офицерского чина, а на гражданской службе чина VIII класса, получали потомственное дворянство. За счет первых трех разрядов численность потомственного дворянства увеличивалась достаточно быстрыми темпами на протяжении XVIII – начала XIX века.

Но начиная с императора Николая I власть переходит к политике сдерживания натиска желающих влиться в ряды благородного сословия. Манифест от 11 июня 1845 года «О порядке приобретения дворянства службой» повышал класс чинов, дающих как потомственное, так и личное дворянство. Отныне только штаб-офицерский чин на военной службе (VIII класс) и чин V класса (статский советник) на гражданской службе предоставляли права потомственного дворянства [9, с. 450-451]. В обоснование данного положения законодатель приводил резоны чрезвычайного умножения дворянского сословия в результате расширения пределов государства и роста народонаселения, а также вследствие роста аппарата управления.

Вновь была повышена планка заветного чина, открывающего доступ в благородное сословие уже при Александре II. В 1856 году именным указом от 9 декабря император установил, что приобретение потомственного дворянства по гражданской службе возможно только с достижением чина действительного статского советника (IV класса), а по военной – чина полковника или чина капитана флота I ранга [10, с. 1052-1053]. Преамбула закона гласила, что он преследует ту же цель, что и предшествующий манифест, а именно ограждать права потомственного дворянства, которые могли быть приобретены «не только усердными, но и долговременными полезными на службе трудами» [Там же, с. 1052]. Сложившийся порядок получения дворянства на государственной службе просуществовал до самого падения Российской империи.

Порядок пополнения потомственного дворянства за счет лиц, награждаемых российскими орденами, также имел тенденцию к постепенному усложнению за счет повышения степени орденов, предоставляющих это право. Согласно Своду законов 1832 года, пожалованием ордена потомственное дворянство могло быть безусловно предоставлено: а) лицам духовного звания; б) лицам, состоящим на гражданской или военной службе; упоминались также и лица купеческого сословия, но только те из них, кто получил орден до 1826 года [16, ст. 36]. Первоначально любой орден через награждение им давал права потомственного дворянства лицам, происходившим из других слоев, относящимся к указанным выше социальным категориям. Из этого правила вскоре исключены были ордена Св. Анны 2, 3 и 4 степени, а также орден Св. Станислава 2 и 3 степени, которые могли отныне предоставить награжденным ими только личное дворянство [Там же, ст. 200].

Порядок пожалования российских орденов, несколько откорректированный в Положении о наградах по службе, высочайше утвержденный 31 июля 1859 года, устанавливал тесную связь конкретного ордена, его степени с классом чина награждаемого. При этом первое награждение орденом становилось возможным только при условии, что кандидат на него достиг на гражданской службе чина IX класса в министерствах

и главных управлениях (в центральной администрации), либо X класса на губернском уровне. Для военной службы награждаемый первым орденом офицер должен был как минимум находиться в чине поручика (IX класс в гвардии и X класс в армейских частях). Но это требование не распространялось на награды в военное время. Законодатель также предусматривал ряд возможностей, когда за отличия, заслуживающие особого внимания, можно было стать кавалером старшего ордена, минуя младший [11, с. 745-756].

Лица недворянского происхождения, удостоенные первых степеней всех российских орденов, могли получить потомственное дворянство. Ордена Св. Владимира и Св. Георгия исключались из общей постепенности орденов, и все степени этих орденов могли давать право на потомственное дворянство. Однако, эти две последние награды так же, как высшие степени всех орденов, могли быть пожалованы только по высочайшему усмотрению [15, ст. 184], а это, как уже отмечалось отечественными исследователями, сближало порядок получения дворянства на гражданской службе с приобретением его через высочайшее пожалование [5, с. 26].

Поэтому можно сказать, что правительство пыталось сделать процесс пополнения высшего сословия полностью подконтрольным верховной власти, ограничивая доступ в его ряды. В условиях быстрого роста административного аппарата неконтролируемое пополнение рядов высшего сословия грозило изменить облик благородного российского дворянства за счет массы неимущего низшего чиновничества, что никоим образом не могло устроить самодержавную власть.

Корпоративным организациям высшего сословия в дореформенный период было предоставлено право замещения по выборам большого числа должностей в сфере судейского и полицейского управления. К ним относились председатели и заседатели палат уголовного и гражданского суда, судьи и заседатели уездных судов, земские исправники, заседатели земских судов, судьи и заседатели совестных судов. Кандидатуры становых приставов утверждались губернатором на основании списков, сформированных дворянскими собраниями. Тенденция расширения сферы деятельности дворянства в местном управлении продолжала сохраняться вплоть до середины XIX века, в том числе как следствие увеличения выборных дворянских должностей [4, с. 147].

В целом же к середине XIX века сословный строй Российской империи был вполне юридически оформлен и в общих чертах соответствовал реалиям своего времени.

Преобразования 60-70-х годов XIX века и особенно отмена крепостного права серьезным образом трансформировали все стороны жизни общества, значительным изменениям подвергся в том числе и юридический статус высшего сословия Российской империи.

Самым важным изменением стала отмена одной из наиболее значимых привилегий – права собственности на личность крепостных крестьян. Личная свобода крестьян, полученная ими после обнародования Манифеста и Положений 19 февраля 1861 года, неизбежно сужала границы вотчинных прав помещиков.

«Положение» 19 февраля 1861 года предусматривало сохранение за помещиком прав вотчинной полиции в сельском обществе временнообязанных крестьян, поселенных на его земле. Помимо этого, владелец имения считался попечителем такого сельского общества [14, с. 67-70]. Законодательство стремилось сохранить преемственность в принципах обеспечения порядка в деревне переходного периода, сохраняя за помещиком достаточно широкий спектр полномочий в сфере судебно-вотчинного права. Но, тем не менее, временной предел сохранения этих реликтов феодального права был обозначен достаточно определенно.

Особый интерес представляет логика законодателя, сформулированная в преамбуле Манифеста 19 февраля 1861 года. Как известно, текст документа был написан московским митрополитом Филаретом (Дроздовым). В то же время не подлежит сомнению, что его содержание и сам стиль получили одобрение самого Александра II.

Обращаясь ко времени возникновения крепостного права, в качестве его источника Манифест называет как закон, так и обычай, упоминает и то, что «права помещиков были доньше обширны и не определены с точностью законом» [Там же, с. 27]. Следствием этого, согласно тексту Манифеста, являлись в лучшем случае добрые патриархальные отношения помещиков и крестьян, но с потерей прежней простоты нравов на смену им пришел произвол тех владельцев крепостных, кто искал лишь собственной выгоды, что не могло не сказаться на благосостоянии крестьян. Заботясь о благополучии всех своих подданных и опираясь на заветы царственных предков, император обратился к самому российскому дворянству, которому предстояло «ограничить свои права на крестьян и подъять трудности преобразования не без уменьшения своих выгод» [Там же, с. 28]. Таким образом, сознательно делался акцент на неизбежных жертвах помещичьего дворянства, а вслед за этим выражалась надежда на «доблестную о благе общем ревность» высшего сословия Российской империи, которую оно должно проявить в деле реализации реформы.

В тексте Манифеста, характеризующем суть будущей крестьянской реформы, так же, как и в Положениях, декларировалось сохранение права собственности помещиков на все земли. Одновременно крестьянам предоставлялась не только возможность пользования поземельным наделом за определенные повинности в пользу помещиков, но и право выкупа усадебной оседлости наряду с полевым наделом [Там же, с. 28, 37-44].

Совершенно очевидно, что эти два права входили в неизбежное противоречие, что неоднократно отмечалось современниками преобразований еще на стадии выработки окончательного варианта реформы.

Так, тверской предводитель дворянства А. М. Унковский в своем мнении, поданном на заседании губернского комитета по крестьянскому делу, утверждал: «При упразднении крепостного права в видах сохранения справедливости и общего спокойствия, крестьяне должны быть обеспечены в сохранении прочной оседлости и в надежных средствах к жизни, а никак не представлены произволу землевладельцев; а потому право распоряжения землею, со стороны помещиков должно быть, по необходимости и по справедливости, ограничено с целью оставить за крестьянами их неотъемлемое право на средства существования от земли, которая всегда служила обеспечению их пропитания» [2, т. 2, д. 1846, л. 3 об. – 4].

Никогда и никем не отмененная формально, «Жалованная грамота дворянству» в пореформенный период во многих своих статьях не могла соответствовать новой реальности. Право покупать деревни (ст. 28) отныне могло быть истолковано лишь как возможность приобретать недвижимость, а ст. 12 («да не судится благородный окромя своими равными») [3, с. 5] после судебной реформы теряла свой смысл в принципе.

Если говорить о прочих правах и привилегиях высшего сословия, то и они в пореформенный период претерпели существенные изменения. Начиная с 1863 года постоянно расширялся круг социальных категорий населения, для которых отменялись телесные наказания. Исключением долго оставались крестьяне, для которых телесные наказания по приговорам волостных судов оставались в силе до 1904 года. Правительство смотрело на крестьян как на социальную группу, нуждающуюся в особой опеке и воспитании, их правовой статус серьезно отличался от других сословий даже в пореформенной России. Как отмечал известный русский правовед В. В. Леонтович, «...правовые отношения людей, принадлежавших к крестьянскому сословию, не управлялись постановлениями всеобщего гражданского права, применявшегося к другим сословиям, а основаны были на местном крестьянском обычном праве» [7, с. 213].

В системе местного управления сразу же после реформы 1861 года мало что изменилось, и большинство должностей в губерниях замещалось по-прежнему по выборам дворянства. Поэтому самым влиятельным лицом в уезде оказывался уездный предводитель дворянства.

Сразу же после отмены крепостного права крестьяне начали подавать уездным предводителям жалобы на исправников, заседателей судов [17, с. 126]. Но по новым нормам эти документы передавались в губернские по крестьянским делам присутствия, решения которых зачастую зависели от настроения умов ключевых фигур в местном управлении: губернатора и губернского предводителя дворянства.

В результате земской и судебной реформ 1864 года дворянство лишилось своей исключительной роли в местных административных делах на губернском и, особенно, на уездном уровнях. В то же время уже в новых мировых структурах, создаваемых для реализации крестьянской реформы, впоследствии дополненных должностью мирового судьи, дворянство и его корпоративные организации оказывались наделенными весьма важными полномочиями. Так, мировыми посредниками могли стать лишь дворяне-помещики, преимущественно владельцы не менее 500 десятин земли. Выборы мировых посредников происходили на уездных дворянских собраниях, а затем кандидатуры передавались на рассмотрение губернатора и впоследствии утверждались указами Сената [14, с. 185]. Согласно «Положениям о губернских по крестьянским делам учреждениях», в составе этих новых органов были представлены как дворяне-помещики, так и чиновное дворянство, особенную роль сохранял губернский предводитель дворянства [Там же, с. 203].

Однако, говоря об изменении юридического статуса дворянства в период реформ 60-70-х годов XIX века, не стоит забывать, что помимо фиксации в законодательстве, права и привилегии высшего сословия могли еще длительное время сохраняться в обычае, традиции, как известно, в меньшей степени подвергающихся воздействию хода времен.

В период реформ 60-70-х годов XIX века государство не затронуло одну из ключевых привилегий дворянства, касающуюся преимуществ при прохождении государственной службы. В неизменном виде сохранялись корпоративные организации высшего сословия, за исключением того, что число замещаемых от дворянства должностей в системе местного управления было значительно сокращено.

По мнению исследователя истории дворянства С. А. Корфа, в результате реформ принцип сословности, положенный в основу государственного устройства, уступил место принципу сословности. А это, в свою очередь, повлекло за собой изменение государственной роли дворянства [6, с. 653]. Однако, скорее всего, разрыв с прошлым не был настолько безусловным и последовательным, хотя движение в сторону постепенного изживания сословности продолжалось вплоть до 1917 года, когда этот вопрос был разрешен самым радикальным способом – через революции.

Таким образом, можно сказать, что сословный принцип в несколько трансформированном виде сохранялся как основа социальной организации российского общества, переходного по своему характеру, и в пореформенный период, а дворянство, формально утратив немалую часть своих привилегий, по-прежнему сохраняло за собой позиции высшего сословия Российской империи.

Список литературы

1. Беккер С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 344 с.
2. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 148. Оп. 1.
3. Жалованная грамота благородному российскому дворянству, с принадлежащими к оной узаконениями. СПб.: Типография правительствующего сената, 1827. 324 с.
4. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
5. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 303 с.
6. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 гг. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1906. 728 с.
7. Леонтович В. В. История либерализма в России (1762-1914). М.: Русский путь, 1995. 549 с.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Собрание I. Т. 22. № 16187.
9. ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание II. Т. 20. № 19086.
10. ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание II. Т. 31. № 31236.
11. ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание II. Т. 34. № 34781.

12. Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1870. 594 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1092. Оп. 1.
14. Российское законодательство X-XX вв. Документы крестьянской реформы. М.: Юридическая литература, 1989. Т. 7. 432 с.
15. Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб., 1832. Т. I. Кн. IV.
16. СЗРИ. СПб., 1832. Т. IX.
17. Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

RUSSIAN NOBILITY'S LEGAL STATUS ON THE EVE AND DURING REFORMS OF THE 60-70S OF THE XIXTH CENTURY

Seliverstova Natal'ya Matveevna, Ph. D. in History, Associate Professor
D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
nseliverstova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the Russian nobility's legal status changes both in the period that preceded the reforms of the 60-70s of the XIXth century and during the transformations. The author considers how the legislative legalization of the superior estate's main rights and privileges was conducted in the pre-reform epoch, which of them were preserved, and which were cancelled by autocracy during the period of serfdom abolition and subsequent reforms. All this allows understanding, which place the nobility took in the Russian society estate structure in the crucial period.

Key words and phrases: nobility; estate; legislation; hereditary nobility; personal nobility; landed gentry; nobility's cooperative organizations; serfdom abolition; reforms of the 60-70s of the XIXth century; autocracy.

УДК 32

Политология

В статье раскрыты место и роль гуманитарной интервенции и её модификации «ответственности по защите» в геополитике Запада. Анализируется аргументация сторонников и оппонентов гуманитарного вмешательства. Излагается авторская точка зрения по вопросу о путях разрешения коллизии между базовыми принципами международного права – обеспечением суверенитета государств и защитой прав человека.

Ключевые слова и фразы: гуманитарная катастрофа; гуманитарная интервенция; суверенитет; права человека; геноцид; вооружённый конфликт.

Сирота Наум Михайлович, д. полит. н., профессор
Хомелева Рамона Александровна, д. филос. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
sirotanm@mail.ru

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИКИ ЗАПАДА[©]

В обстановке глобальной дестабилизации и социально-политических потрясений на Ближнем Востоке актуализировался вопрос о соотношении государственного суверенитета и необходимости защиты прав населения от геноцида, военных преступлений и этнических чисток. Авторы многочисленных публикаций по этой проблематике рассматривают прежде всего её правовые и этические аспекты. В этой связи следует упомянуть работы отечественных исследователей В. С. Котляр [1], О. Е. Лабюк [2], Ю. Н. Малеева [3], К. Л. Сазоновой [5], зарубежных исследователей и политиков Дж. Ная [11; 12], С. Райс [13], Г. Эванса [8] и др. Целью предлагаемой статьи является анализ места и роли гуманитарных интервенций как геополитического инструмента Запада в реформировании конфликтных регионов мира.

В мировом сообществе не сложилось единое мнение о содержании понятия и признаков гуманитарной интервенции. Под гуманитарной интервенцией обычно понимаются военные операции одних государств на территории других без согласия их правительств с целью предотвращения или пресечения масштабных нарушений прав человека, особенно права на жизнь, последующего поддержания стабильности и установления демократических норм правления.

Истоки гуманитарного вмешательства просматриваются в латиноамериканской политике «большой дубинки», декларированной президентом США Т. Рузвельтом в 1904-1905 гг. Предусматривалось право «цивилизованных наций» и прежде всего Соединённых Штатов на наведение порядка в отсталых и «неэффективных» странах.

В период холодной войны операции типа гуманитарных интервенций были практически неосуществимы ввиду противостояния двух блоков, находившихся в состоянии перманентной конфронтации, взаимных угроз и гонки вооружений. Введение вьетнамских войск в Камбоджу в декабре 1978 г. привело к свержению

[©] Сирота Н. М., Хомелева Р. А., 2014